

В МИРЕ творчес

«Примите исповедь»

Пушкинская строчка не случайно вынесена в заголовок рассказа о солисте ГАТ «Эстония» Вяйно Пуура.

Д О ПРЕМЬЕРЫ «Онегина» оставалось несколько мартовских дней. Только что окончилась утренняя репетиция, и устало опустившись в кресло, Пуура машинально крутил в пальцах тросточку, так и позабыв положить ее на гримировальный столик под зеркалом.

— Онегинская?

— Рабочая, для репетиций, пока такую в реквизите дали, потом другая будет. Плюс к ней еще два цилиндра и целых шесть костюмов. По одному на каждую картину. В этом спектакле буду я всех цветов радуги. Переодеваться — и то устанешь. А ведь еще и петь придется...

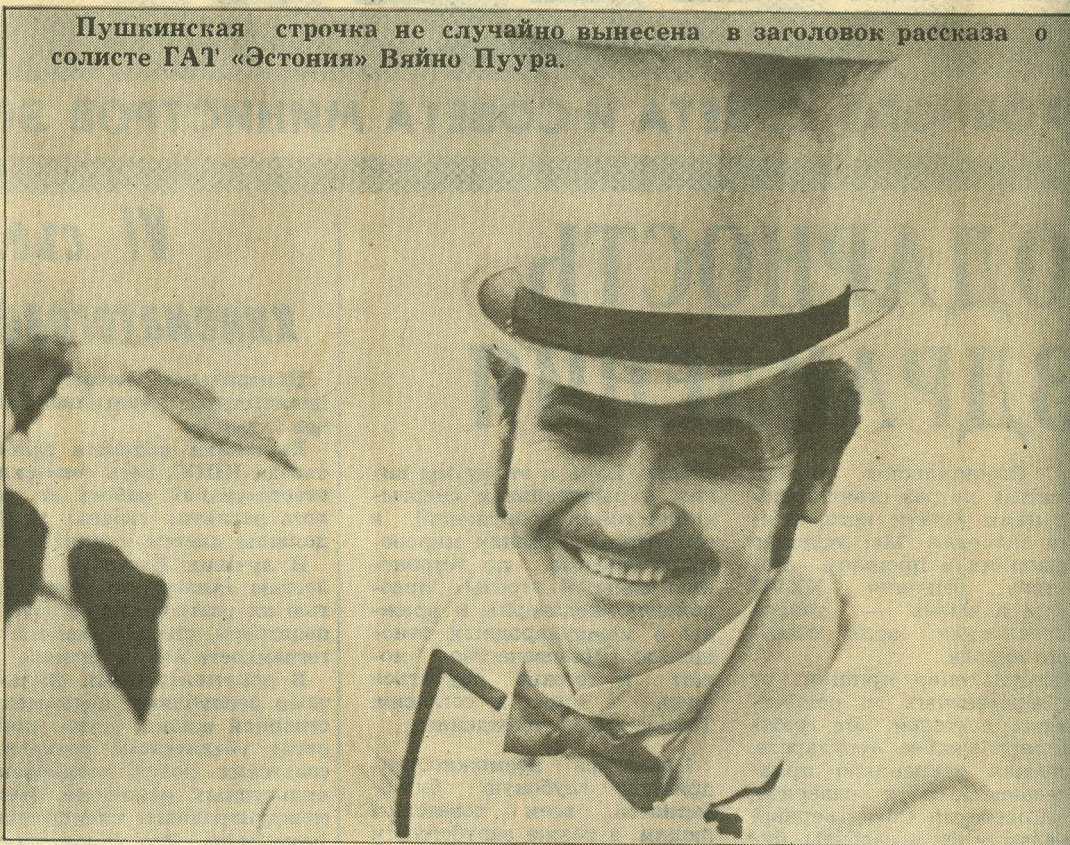
Даже в минуты усталости Вяйно не покидало отличное расположение духа. Всегда улыбчивый, готовый откликнуться на шутку, он и сейчас не изменял себе. Но, говоря о новом своем герое, был предельно серьезен.

— Честно скажу — долго не понимал Онегина. Почему-то не понимал. В этом характере есть удивительный парадокс. Ты смотри — ведь он Татьяне правду сказал тогда, на свидании их первом в парке. Не захотел быть нечестным с нею. А правда эта счастья не принесла ни ему, ни Татьяне. И с Ленским Онегин на балу том роковым честен был. И опять ничего хорошего из этого не вышло, дуэль, смерть друга, единственного, пожалуй, кто хоть как-то его понимал. То, что Онегин, умный, ироничный, впереди своего времени жил, — это ясно. Весь вопрос — как жил? И почему счастья так и не узнал?

Так впервые в нашем разговоре прозвучало слово «счастье»...

— И еще от одной сложности мне никуда не уйти. Но это прекрасная сложность. Партию Онегина забываемо пел когда-то на нашей сцене Георг Карлович Отс. Память об этом исполнении передается как легенда от одного поколения слушателей к другому. Сейчас мы на сцене «Эстонии» покажем другого Онегина, и с отцовским он, конечно, не совпадет, не может совпасть. Это будет уже наш Онегин. И принадлежать он будет нашему времени.

...На учебу в Тартуское музыкальное училище Вяйно

Пуура приехал когда-то из деревни Куренурме, что в Выруском районе. Он и сейчас часто приезжает в раскинувшееся среди холмов южной Эстонии родное село, любит побродить в одиночестве по лесу, подходящему к сельской околице, не прочь сесть за трактор. И, конечно же, в каждый приезд один и тот же разговор с матерью. Она уже и на сцене его видела, узнавая в певце, освещенном множеством огней, сына, а все на своем стоит — лучше бы он все-таки при ней с отцом был. Но поспоришь разве с музыкой, если она выбрала сына?

Первый музыкальный спектакль Вяйно услышал в «Ванемуйне». Всем классом они тогда в Гарту из своего Куренурме приехали. Это была веселая детская опера «Хитрый Антс и Старый Нечистый». Тот спектакль Вяйно до сих пор помнит. Потом — «Кармен», «Риголетто».

Вяйно учился на четвертом курсе Таллинской консерватории, когда наступили дни творческого испытания — на сцене театра «Эстония» ему предстояло спеть Жермона в опере Д. Верди «Травиата». Вслед за Жермоном — Отец в «Луизе Миллер», Сильвио в «Паяцах», Марсель в «Богеме». И все это почти одновременно.

Может быть, судьба оказалась тогда чересчур щедрой? Может быть, зря торопила, до времени давая возможность встретиться со сложнейшими партиями классического репертуара? Сказать «да» здесь так же трудно, как и «нет». Ответ где-то посередине. Ясно одно — и Сильвио, и Марселя Вяйно спел бы сейчас иначе — во всеоружии накопленного годами опыта, жизненного, творческого. Но ясно и другое — перед отъездом на стажировку в «Ла Скала» молодой певец не только знал, что он уже умеет, но и понимал, чему еще предстоит научиться.

Стажировке в Италии предшествовал проходивший в 1979 году в столице Эстонии Всесоюзный конкурс имени М. И. Глинки. На этом конкурсе молодого солиста театра «Эстония» ждала победа. Очень нелегкая, добытая в напряженнейшем творческом соревновании, участие в котором принял более 130 певцов со всех концов нашей страны.

— Назвать эти дни трудными, — вспоминает певец, — значит ничего не сказать. Но при этом — ни одной отрицательной эмоции. Конкурс был соревнованием равных, потому я был особенно рад благополучному для меня исходу. Я и сейчас внимательно слежу за судьбой своих «соперников». Почти все — на виду. Анатолий Лошак — в Ленингра-

де, Лидия Забияста — в Киевском оперном. В Италии мы стажировались вместе с Сергеем Александровичем из Саратова.

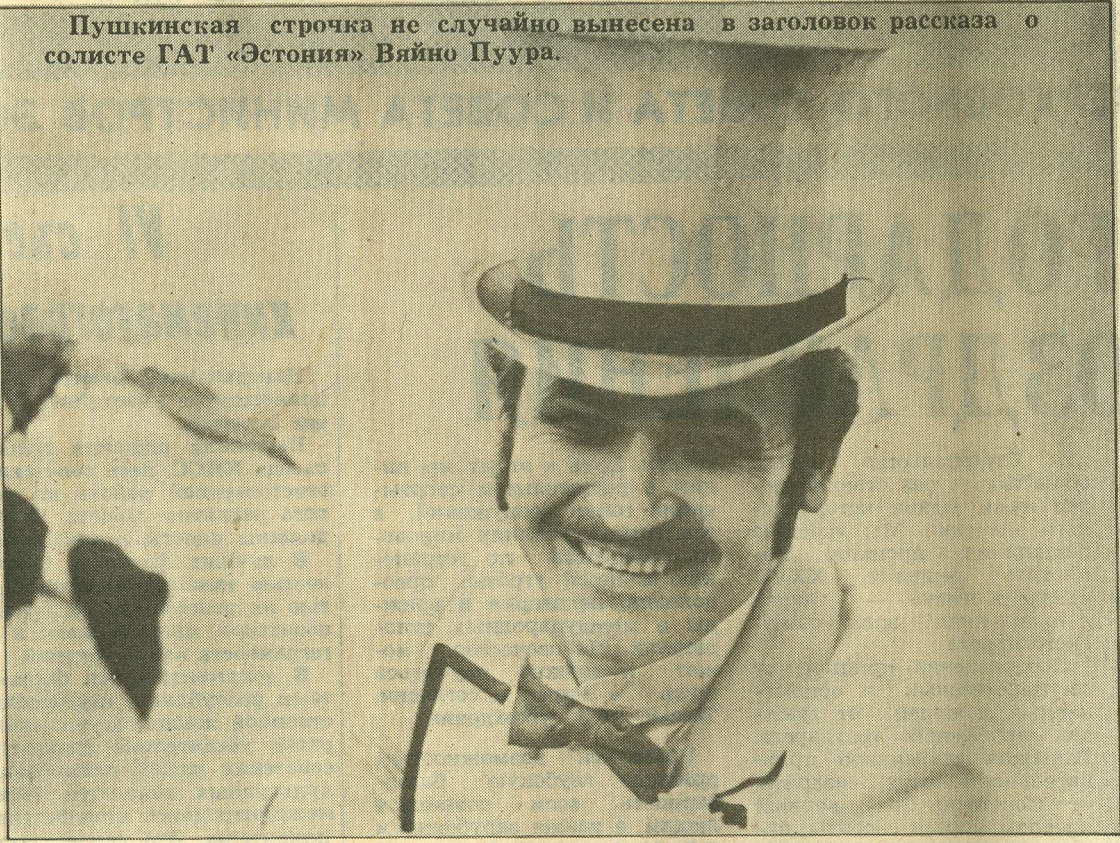
Об Италии — разговор особый. Сам Вяйно считает, что таким, каким мы знаем его сегодня, он не мог стать, не будь в его жизни семи нелегких месяцев в Милане. На само существование избранной им профессии они заставили взглянуть иначе. Спросите сегодня Вяйно об итальянских красотах — развевет беспомощно руками, не до красноты. Другое хранит память испытанное в первые дни ощущение, что для всех круг никаких секретов не существует, а ты сам умеешь ровным счетом ничего. Так что же, опусти руки? Нет — засучить рукава и работать. И Пуура ботал, забывая обо всем, потом оставляя мысли итальянских красотах.

Пожалуй, только в дни стажировки Вяйно навсе распрощался с иллюзией, что талант сам по себе может. Только в Италии это стало понятно до конца, а

В МИРЕ творчества

«Примите исповедь мою...»

Пушкинская строчка не случайно вынесена в заголовок рассказа о солисте ГАТ «Эстония» Вяйно Пуура.

Пуура приехал когда-то из деревни Куренурме, что в Вырусском районе. Он и сейчас часто приезжает в раскинувшееся среди холмов южной Эстонии родное село, любит побродить в одиночестве по лесу, подходящему к сельской околице, не прочь сесть за трактор. И, конечно же, в каждый приезд один и тот же разговор с матерью. Она уже и на сцене его видела, узнавая в певце, освещенном множеством огней, сына, а все на своем стоит — лучше бы он все-таки при ней с отцом был. Но поспоришь разве с музыкой, если она выбрала сына?

Первый музыкальный спектакль Вяйно услышал в «Ванемуйне». Всем классом они тогда в Гарту из своего Куренурме приехали. Это была веселая детская опера «Хитрый Антс и Старый Нечистый». Тот спектакль Вяйно до сих пор помнит. Потом — «Кармен», «Риголетто».

Вяйно учился на четвертом курсе Таллиннской консерватории, когда наступили дни творческого испытания — на сцене театра «Эстония» ему предстояло спеть Жермона в опере Д. Верди «Травиата». Вслед за Жермоном — Отец в «Луизе Миллер», Сильвио в «Паяцах», Марсель в «Богеме». И все это почти одновременно.

Может быть, судьба оказалась тогда чересчур щедрой? Может быть, зря торопила, до времени давая возможность встретиться со сложнейшими партиями классического репертуара? Сказать «да» здесь так же трудно, как и «нет». Ответ где-то посредине. Ясно одно — и Сильвио, и Марселя Вяйно спел бы сейчас иначе — во всеоружии накопленного годами опыта, жизненного, творческого. Но ясно и другое — перед отъездом на стажировку в «Ла Скала» молодой певец не только знал, что он уже умеет, но и понимал, чему еще предстоит научиться.

Стажировке в Италии предшествовал проходивший в 1979 году в столице Эстонии Всесоюзный конкурс имени М. И. Глинки. На этом конкурсе молодого солиста театра «Эстония» ждала победа. Очень нелегкая, добытая в напряженнейшем творческом соревновании, участие в котором приняло более 130 певцов со всех концов нашей страны.

— Назвать эти дни трудными, — вспоминает певец, — значит ничего не сказать. Но при этом — ни одной отрицательной эмоции. Конкурс был соревнованием равных, потому я был особенно рад благополучному для меня исходу. Я и сейчас внимательно слежу за судьбой своих «соперников». Почти все — на виду. Анатолий Лошак — в Ленингра-

де, Лидия Забияста — в Киевском оперном. В Италии мы стажировались вместе с Сергеем Алексашкиным из Саратова.

Об Италии — разговор особый. Сам Вяйно считает, что таким, каким мы знаем его сегодня, он не мог бы стать, не будь в его жизни семи нелегких месяцев в Милане. На само существо выбранной им профессии они заставили взглянуть иначе. Спросите сегодня у Вяйно об итальянских красотах — развеет беспомощно руками, не до красот было. Другое хранит память — испытанное в первые дни ощущение, что для всех вокруг никаких секретов не существует, а ты сам не умеешь ровным счетом ничего. Так что же, опустить руки? Нет — засучить рукава и работать. И Пуура работал, забывая обо всем, на потом оставляя мысли об итальянских красотах.

Пожалуй, только в дни стажировки Вяйно навсегда распрощался с иллюзиями, что талант сам по себе все может. Только в Италии ему стало понятно до конца, как

много значит профессионализм. Потому что талант без профессионализма — всего лишь предпосылка для нужного результата, но отнюдь не сам результат. Из Италии певец вернулся иным. Другие, возможно, не заметили внутренней перемены, происшедшей с ним, но и он сам, и его герои жили теперь под знаком этой перемены.

Возвращение со стажировки совпало с исполнением партии Энрико в опере Доницетти «Лючия ди Ламмермур». Потом был «Певец свободы» Э. Каппа, Ренато в вердиевском «Бале-маскараде», поставленном в «Эстонии» Х. Круммом. Теперь — «Евгений Онегин».

В ряду имен любимейших композиторов особое место занимают Моцарт и Россини. Пуура доводилось петь и в «Свадьбе Фигаро», и в «Сельском цирюльнике», и ему всегда был по душе неунывающий герой Бомарше, превыше всего ставящий честь и собственное достоинство, знающий цену и себе, и своей любви.

Как прекрасно, считает Вяйно, что в его судьбе были и есть счастливые роли. Счастливая роль — как счастливая встреча. Не где-то, а в самом себе он имеет характеры своих персонажей, вместе с ними ликует или огорчается.

— Мне нелегко быть классическим театральным героем, — пошутил Пуура, — кавалеры и тореадоры не по мне, у нас сложно складываются отношения. На сцене мне хочется радоваться вместе с теми, о ком я рассказываю, и хочется отдавать эту радость слушателям. Театр и искусство существуют для добра. Может, потому так хочется счастья и для Онегина, и для Жермона, и для старика Миллера, и для Фигаро.

— А какого счастья ты хочешь для себя?

Вяйно задумался на секунду и вдруг широко улыбнулся:

— Давай я спрошу о том же у тебя. Сумеешь ответить сразу?

Н. КИРИЛЛОВ.

На снимке: Вяйно Пуура.

Фото Ф. Ключика.